

Общие проблемы политической концептологии

ПОВОРОТ К ПРОСТРАНСТВУ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ И СЛОЖНОСТИ ЕГО ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Е.Г. Трубина

Уральский федеральный университет

Аннотация: Автор статьи рассматривает «поворот к пространству» с «двойной» точки зрения: теоретика и руководителя одноименного образовательного проекта HESP-ReSet, стараясь не терять из поля зрения задачи большинства интеллектуалов страны: не только осмысливать значимые тенденции развития западной мысли, но и отдавать себе отчет в том, в какой мере успешной может быть их популяризация в высшей школе России начала двадцать первого века.

Ключевые слова: «Поворот к пространству», разнообразие пространств, капитализм, неолиберализм, метафоры контейнера и потока, география, концептуальное дисциплинирование, критика.

Надо стараться найти ту скрытую точку, где житейский анекдот и афоризм мысли сливаются воедино – подобно смыслу, который с одной стороны есть атрибут жизненных ситуаций, а с другой – содержание мыслимых предложений. Тут существуют свои особые измерения, свои времена и пространства, свои ледники или тропики – короче, целая экзотическая география, характеризующая как способ мышления, так и стиль жизни.

Делёз Ж. Логика смысла¹

Ниже я приведу свои соображения в отношении «поворота к пространству», продиктованные опытом со-руководства одноименным образовательным и научным проектом HESP-ReSET². Лавирование между условиями, поставленными спонсором (Институтом «Открытое общество»), реалиями существования академической среды Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Казахстана и России (страны, преподаватели из которых участвуют в этом проекте) и собственным пониманием пространственной проблематики препятствует формулированию «чисто» концептуальных соображений. С другой стороны, многое в моих наблюдениях продиктовано стремлением осмыслить происходящее в терминах «пост-советского неолиберализма» – совсем не очевидной концептуальной рамки, компоненты которой я толь-

¹Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я. И. Свирский. — М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. С. 174.

²См.: <http://www.geocritical.org/about-the-project>.

ко начинаю для себя соединять. Я исхожу из того, что препятствия и ограничения, с которыми сталкиваются пост-советские исследователи и преподаватели связаны с местом университетов в неолиберальной глобальной экономике. Вузы по нарастающей становятся предметом политического интереса и специфического менеджмента, что не только ставит под вопрос традиционные академические свободы, но и весьма жестко задает идентичности членов академических сообществ.

Хотя вопросы, приведенные в заглавии статьи, образовали и ее первоначальный план (краткий ответ на вопрос «поворот куда», то есть обрисовка направления концептуального движения, ассоциируемого с «поворотом к пространству», наблюдения о переменах в студенческой аудитории и соображения о возможных линиях взаимодействия (в связи с пространством) членов социально-гуманитарного сообщества), признаюсь, что мне показалось более интересным соединить с теоретическими суждениями и размышления о нашем проекте и рефлексии по поводу своего преподавания пространственной (и не только) проблематики, не отделяя (искусственно) идеи, их преподавание и их адресатов.

«Вот, новый поворот»: экспансия географии или междисциплинарное движение?

Констатации того, что последние двадцать лет развития социально-гуманитарного знания отмечены «поворотом к пространству», встречаются достаточно часто на Западе и гораздо реже – в статьях и книгах, выходящих по-русски. Неслучайно один из немногих текстов, посвященных не пространству вообще, но именно «повороту к нему»³, вышедших в России – рецензия трех междисциплинарных коллекций, изданных в 2009 году немецкими историками и американскими географами⁴. В 2010 году к коллекциям добавилась еще одна, озаглавленная «Пространство. Междисциплинарное руководство»⁵, составленная немецким медиа-исследователем Стефаном Гунзелем. Книга включает главы о поэтическом, историческом, политическом, экономическом, телесном, туристском, эпистемологическом, социальном, техническом, медиа-, когнитивном (ментальном), городском и ландшафтном пространствах и составлена с целью демонстрации последствий «поворота к пространству» для социального и гуманитарного знания. Умножение обсуждаемых сегодня видов пространства, рост числа феноменов, уподобляемых пространству, частота, с какой встречаются вполне оправданные, по-моему, словосочетания вроде «человек в пространстве повседневности» или «человек в пространстве истории» сами по себе симптоматичны: популярность метафоры набирает силу.

В то же время, похоже, такая продуктивная эклектичность возможна только на страницах междисциплинарных изданий, причем издаваемых не у нас: как показывают дискуссии в рамках нашего проекта, специалисты по социальному пространству рассуждают иначе, нежели те, кому интересно, скажем, медиапространство, либо те, кто занимается пространством в современном искусстве. Философы и социологи в нашем проекте стремятся к строгости в работе с понятиями (звучали даже призывы составить своего рода реестр вариантов употребления пространственных терминов – основу для дальнейшего их упорядочения). Культурологи, напротив, сомневаются в продуктивности такого концептуального «дисциплинирования». Учитывая, во-первых, что мы вместе ищем пути продуктивного междисци-

³См., в частности, статью одного из редакторов этого тематического выпуска: Бедаш, Ю. Пространство как проблема постметафизической философии/Ю. Бедаш. – Топос. № 1 (21). – 2009. – С. 94-113.

⁴Маяцкий, Михаил. Место пространству! Этот очень special "spatialturn" [Эл. ресурс]/ М. Маяцкий //Пушкин. – 2009. – Эл. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pushkin/Mesto-prostranstvu!> – свободный.

⁵Günzel, S. (Hg.): Raum. Eininterdisziplinäres Handbuch/ S. Günzel. – Verlag J. B. Metzler. – Stuttgart. – 2010. В том же году вышла еще одна, более узкая, коллективная монография: Fisher, J. and Mennel, B. Spatial Turns: Space, Place, and Mobility in German Literary and Visual Culture/ J. Fisher and B. Mennel. – Rodopi. – 2010.

плинарного взаимодействия и, во-вторых, что один из наших приоритетов – изменить преподавание фундаментальных социально-гуманитарных дисциплин в сторону большей демократичности и учета потребностей студентов, можно сказать, что мы сами друг для друга, во время наших дискуссий, моделируем студенческую аудиторию с ее разнообразием мотиваций (и увы, неуклонно сокращающимся числом тех, что всерьез думает о научной карьере), я бы сказала, что не понятия, а *ключевые вопросы* могут быть общей почвой для наших дискуссий и основой для пересматриваемых учебных курсов.

Когда задумываешься о «сухом остатке» многочисленных текстов, посвященных пространству сегодня, то понимаешь, что присущий им акцент на *реляционности* и *материальности* понимания пространства – компонент достаточно сложной полемики специалистов вследствие непростых коллизий между разными школами в географии и разными же школами в социальной теории и гуманитаристике. К примеру, ратование за то, что пространство следует понимать как образованное разномасштабными социальными отношениями – часть полемики по поводу понимания глобализации, в рамках которой «государствоцентристские» подходы позиционируются как типичное проявление устаревшего «контейнерного» мышления в терминах национального государства. Где, в рамках каких курсов можно продуктивно расшатывать мышление в терминах замкнутых «контейнеров», если изучаемые, к примеру, классики социологии сами и способствовали тому, что и поныне главным объектом многих исследований (и главной рамкой) является не мир в целом, а национальное государство и если к тому же многие культуры в наших университетах изучаются именно как национальные? Кто составит благодарную аудиторию для наших возможных речей о том, что национально-государственное мышление образует барьер на пути к новым способам анализа, к новым представлениям о мире? Но вот попробовать вместе ответить на вопрос «где?», т.е. где именно происходят те или иные изменения, а также подумать – почему это так важно, кажется более продуктивной стратегией. Ответы не должны быть сводимыми друг к другу, и каждый должен предполагать определенный контекст, в котором тот или иной ответ должен быть первым, какой приходит в голову, само собой разумеющимся. Здесь мы предполагаем не только собственно научные, но и более широкие контексты, в частности, мифологические, культурные картины мира, фундаментальные повествования, в рамках которых пространство занимало бы определенное место. Не исключено, что ответ на вопрос «где» есть ответ, который совпадает с той или иной картиной мира либо с вариантом его истории, каким-то убедительным сценарием происшедшего.

Обилие литературы, посвященной пространству, в самых разных областях социально-гуманитарного знания, безусловно, можно считать самым главным следствием «поворота». Другим его следствием является смелость, с какой пространственные метафоры используются для описания процессов, протекающих где угодно: от черепной коробки до Сети. Попытки включиться в «поворот» служат хорошим стимулом для пересмотра оснований и истории ряда дисциплин и способствуют их открытости друг другу. С другой стороны, как всем известно, пространством занимается география и на, первый взгляд, резонно считать, что, раз происходит поворот к пространству, то это к географии должны по нарастающей стать открытыми другие дисциплины. Между тем, безусловно растущее интеллектуальное влияние дисциплины далеко не всюду совпадает с ее институциональным положением: если в процветающих частных университетах создаются новые географические центры⁶, то в вузах попроще география далека от процветания: число преподавателей на многих факультетах университетов Европы и США сокращается, ряд факультетов закрыты, а существующие сталкиваются с вызовом, хорошо описанным австралийским географом: «Исследователям неформально советуют перепрофилироваться на другие, предположительно более проблемно-ориентированные и технологичные области вроде менеджмента окружающей среды, про-

⁶См.: <http://gis.harvard.edu/icb/icb.do>.

странственной науки (spatial science) или урбанистических исследований, которые кажутся многим университетским менеджерам способными предложить более узкую профессиональную подготовку, обращаться к «реальным проблемам» и не закапываться в старых дисциплинарных «шахтах»⁷.

Соединяя общую историю «поворота к пространству» и еще очень короткую историю нашего проекта, нацеленного на создание и сплочение социально-гуманитарного сообщества интересующихся пространством людей, замечу следующее. Объявив конкурс на участие в HESP-RESET проекте весной 2010 года, мы рассчитывали, что слова «социальная и культурная география» привлекут молодых преподавателей факультетов географии бывших советских республик и России. Так, на сайте Русского географического общества перечислено 176 вузов и колледжей России, где ведется преподавание географических специальностей, но, возможно, каналы, по которым мы распространяли извещение о конкурсе, оказались недостаточными. Вероятно, сказались также инерция участия в предыдущих проектах HESP (участники ряда предыдущих подали заявки и были приняты) и тот факт, что в разных дисциплинарных сообществах – свои традиции повышения квалификации. Итог: географов в нашем проекте почти нет. Это очень досадно, потому что в дискуссиях об окружающей среде, экономике, обществе, культурном разнообразии географы могли бы сказать решающее слово. Ниже я попробую кратко разобраться в том, почему на наших школах мы обсуждаем пространство без географов. Понятно, что сказанное здесь ни в коей мере не относится к состоянию пост-советской или российской географии в целом.

Просмотрев сайты факультетов географии России и ее ближайших соседей на западе и на юге, понимаешь, что преподавательской молодежи на них почти нет и что традиционно сильная в Восточной Европе и России *физическая* география, пожалуй, превалирует среди преподаваемых там дисциплин. Анекдотическое подтверждение этому – сайт студентов географического факультета МГУ, где, среди прочего, утверждается, что самый популярный вопрос среди студентов 1-го курса в октябре-ноябре, это "Какой у тебя градус?", что буквально означает: "По какому меридиану ты чертишь комплексный физико-географический профиль?"⁸ На академических конференциях при упоминании «поворота к пространству» можно натолкнуться на иронические улыбки географов (мы-то, мол, туда давно повернули), однако напрасными будут поиски тех разнообразных видов пространства, которым посвящены упомянутые выше недавние немецкие компендиумы, среди названий диссертаций, защищаемых на географических факультетах или в представляемых географами на конференциях материалах. Так, по специальности 25.00.24 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» Алексеем Сидоренко недавно защищена работа под названием «Информационные и политические аспекты развития крупных городов России в 2000-х годах»⁹, в выводах которой российские города без какой-либо дифференциации именуется «опорными пунктами глобальной мировой системы», лишней раз, по-моему, демонстрируя необходимость систематической рефлексии того, как воображаемое и реальное сочетаются в научной работе. Не случайно географы-профессионалы подчеркивают, объясняя проблематичный статус социальной географии в интеллектуальной жизни России, что «география на самом деле – это культура восприятия пространства. Неодинаковое пространство, не равноместное пространство»¹⁰. В тоже время московский географ А.Д. Арманд, сожалея о том, что у географов нет надежных оснований выделения специфики «своего», географического про-

⁷Gibson, C. Geography in Higher Education in Australia/ C. Gibson. – Journal of Geography in Higher Education. – 2007. – № 31(1). – P. 99.

⁸Геофакер. Неофициальный сайт географического факультета МГУ [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://geofaker.1gb.ru/default.aspx?ti=3&hti=15&hhti=113>, свободный.

⁹См.: <http://www.geogr.msu.ru/science/diss/oby/Sidorenko.pdf>.

¹⁰Орешкин, Д. "Все свободны" – разговор на свободные темы [Эл. ресурс] /Д. Орешкин / Радио «Свобода», 16 октября 2005. – Режим доступа: <http://archive.svoboda.org/programs/shen/2005/shen.101605.asp>, свободный.

странства», подчеркивает, что пока его коллеги не в состоянии сформулировать закон или закономерность, «согласно которой строятся, сохраняются и исчезают географические системы, включающие абиотические, биологические и социальные компоненты»¹¹, но что ближе всего к такому закону – модель размещения центральных мест Вальтера Кристаллера, суть которой в том, что «точечные объекты на земной поверхности имеют тенденцию располагаться не слишком близко друг к другу и не слишком далеко» в случае, когда на них распространяются силы притяжения и отталкивания. А.Д. Арманд продолжает разговор, ссылаясь на «модификации общеземных закономерностей», и, хотя понятно, что это – частное суждение частного вопроса, в нем, по-моему, проявляются некоторые черты когнитивного стиля, проявляющегося во множестве отечественных географических штудий. Во-первых, это уверенность в существовании общих закономерностей, с помощью которых можно описать пространство, геометрическое ли, физическое ли, географическое ли. Во-вторых, это мышление в терминах «систем», в данном случае, географических систем, сочетающих в себе различные подсистемы, включая биологические и социальные. В-третьих, это отождествление научности рассуждений с разговорами, ведущимися на самом абстрактном уровне из всех мыслимых. Не странно ли, в самом деле, что идеи Кристаллера, сформулированные им в 1933 году в книге «Центральные места южной Германии», семьдесят лет спустя географом страны, отмеченной фантастическим разнообразием ландшафтов, очищаются от всех возможных пространственных коннотаций и превращаются в повод говорить о «точечных объектах»? Разумеется, часть географического сообщества России как раз и посвятила профессиональную жизнь описанию этого разнообразия, но в описании содержания читаемых в университетах и педвузов курсов слишком, по-моему, часто встречаются разговоры на поистине вселенском уровне «человека» и «окружающей среды». Не этим ли объясняется то, что когда речь заходит, о том, что именно географы делают с продуцируемым и воспроизводимым знанием, хвастаться им особенно нечего? Между тем, если взять примеры из опыта географических сообществ других стран, то именно способность интересно описать региональную и городскую специфику развития стран и городов Азии позволила коллегам активно включиться в англоязычные дебаты, посвященные глобализации. В российских же университетах, когда дело доходит до социальной географии, она, как правило, объединена с экономической, т.е. изучаются по преимуществу масштабные экономические регионы, а такие ключевые для современной географической теории понятия как «пространство», «место», «масштаб», «взаимосвязь», «потоки», «сети», «процессы», «изменения», насколько можно судить по программам читаемых курсов и той академической продукции, с которой довелось познакомиться, растворяются в тех или иных версиях географического детерминизма. Между тем с их помощью можно добиться очень важного – более широкого осознания окружающего всех нас большого и взаимосвязанного мира.

Классик современной географии Дэвид Харви, настаивая, что география слишком важна для понимания событий мира, чтобы оставить ее только географам, выделяет четыре ключевых компонента географического знания: картографические идентификации, знание положения того или иного объекта в географическом пространстве; понимание пространственно-временной динамики; знание характеристик местности, места и региона и знание окружающей среды, или отношений между природным и культурным¹². Он подчеркивает, что надо различать использование понятия пространства «как ключевого элемента материалистического проекта понимания осязаемых географий «на местах» и «присвоение пространственных метафор социальной, литературной и культурной теорией»¹³ – занятием, которое, с его точки зрения, обрело популярность в постструктурализме для проблематизации метанарра-

¹¹Круглый стол «Изменения территориальной организации общества в условиях становления постиндустриализма»; в: Август Леш как философ экономического пространства. – М., Эслан. – 2007. – С. 293.

¹²Harvey, D. Cartographic Identities: geographical knowledge under globalization/D. Harvey/ Spaces of Capital: Towards a Critical Geography. – Edinburgh University Press. – Edinburgh, 2001. – P. 3.

тивов вроде марксистского. Как видим, знаменитый географ, серьезно способствовавший тому, что пространство стало столь значимым для интеллектуалов, идентифицируется с «материалистическим проектом» и дистанцируется от постструктурализма, и он, как я покажу ниже, следует здесь неомарксистской традиции понимания пространства, заложенной Анри Лефевром. Это приводит нас к проблеме генеалогии «поворота к пространству».

Генеалогия «поворота»

Использование для описания смены теоретических приоритетов метафоры «поворота» радует умеренностью: царившие в прошлом «измы» потому с неумолимостью и приводили к появлению «пост-» и «нео-двойников», что чересчур ко многому обязывали своих сторонников. Множество «поворотов», под знаком которых сформировалось уже не одно поколение исследователей («лингвистический» был, кажется, первым) способствует представлению об академической деятельности и, в частности, о деятельности научной как крайне разнородной и образованной взаимодействием школ, сообществ, позиций, парадигм, традиций, друг с другом конкурирующих и спорящих и друг на друга влияющих. Само знание и практики, его порождающие, мыслятся как всегда исторически и социально обусловленные, побуждая по-новому относиться к истинам и теориям, позиционируемым как универсальные и вневременные. Повороты «нормативный» и «перформативный», «аретический» и «нарративный», «материальный» и «практический» рождают, в свою очередь, стремление отойти в сторону и посмотреть, что же было упущено в случае слишком радикальной или слишком поспешной концептуальной перестройки, или разобраться в том, что происходит «после» того или иного поворота. Не этим ли объясняется, что почти каждый из упомянутых поворотов фигурирует в названиях коллективных монографий со словом «beyond», т.е. «после» или «помимо»¹⁴?

Думая о том, как составить учебный курс не по конкретной дисциплине и не о влиятельном мыслителе, а о смене приоритетов во всем корпусе социально-гуманитарного знания, приходишь к выводу, что в разных странах возможна своя генеалогия «поворота к пространству». К примеру, немецкий историк городов Восточной Европы Карл Шлегель в своей монографии «В пространстве читаем мы время» среди влиятельных участников поворота к пространству называет Эда Соджа, Анри Лефевра, Дэвида Харви и И-Фу Туана¹⁵, но не называет Мишеля Фуко. Дэвид Харви, в свою очередь, критикует Мишеля Фуко за непродуманность пространственных построений¹⁶. Напротив, Соджа, по-моему, более точен, заявляя, что «поворот к пространству начинался в Париже»¹⁷, с Фуко и Лефевра, и сетуя, что в силу целого ряда социальных и политических обстоятельств инициированный ими поворот не получил развития и оставался скрытым в течение двух десятилетий. Учитывая, что Фуко в России, Украине, Беларуси и других странах и переведен шире и освоен активнее, чем Лефевр, не говоря уже о Соджа и Харви, и принимая во внимание, что постструктурализм больше значит для большинства вузовских педагогов среднего и младшего поколения этих стран, чем мате-

¹³Harvey, D. Space as a Keyword/ D. Harvey; eds. Noel Castree, Derek Gregory/ David Harvey: a Critical Reader. – Blackwell Publishing Ltd, Oxford. – 2008. – P. 278.

¹⁴Hacker, P. Analytic Philosophy: Beyond the Linguistic Turn and Back Again/ P. Hacker/ M. Beaney (ed.). The Analytic Turn. Analysis in Early Analytic Philosophy and Phenomenology. – New York: Routledge, 2000. – P. 125-133; Allweil, Y. Beyond the Spatial Turn: Architectural History at the Intersection of the Social Sciences and Built Form, in The Proceedings of Spaces of History / Y. Allweil/ Histories of Space: Emerging Approaches to the Study of the Built Environment. – College of Environmental Design, UC Berkeley [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://escholarship.org/uc/item/9rt7c05f>, свободный.

¹⁵Schlögel, K. Im Raume lesen wir die Zeit: ÜberZivilisationsgeschichte und Geopolitik/ K. Schlögel. – München. – 2003. – S. 63.

¹⁶Harvey, D. Cosmopolitanism and the banality of geographical evils/ D. Harvey. – Public Culture. – 2000. – № 12(2). – P. 529-564.

¹⁷Soja, Ed. W. Taking Space Personally/ Ed. W. Soja / Barney Warf & Santa Arias (eds). The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives (Routledge Studies in Human Geography). – Routledge. 2008. – P. 17.

риализм, можно предложить очень простой вариант генеалогии «поворота». Подчеркну, что его педагогическая польза – выше, поскольку, если многое из Соджа и Харви приходится пересказывать, то Фуко можно *читать*, добываясь у студентов того, что А. Бикбов точно называет «эффектом «очарования» пророческим текстом Фуко, который производит собственную, противостоящую обыденной очевидность»¹⁸.

«Пространство, а не время!» – не этим ли тезисом вошел в историю постструктурализм? Начало «поворота» можно датировать мартом 1967 года, когда Мишель Фуко прочитал лекцию, позднее получившую название «Другие пространства» и впервые опубликованную на языке оригинала в октябре 1984 года. Лекция начинается с энергичного утверждения: «Как мы знаем, великим наваждением девятнадцатого века была история с ее темами развития и приостановки, кризиса и цикла, накапливающегося прошлого, с ее великим перевесом мертвых и угрожающим обледенением мира... Современная эпоха, возможно, кроме всего прочего будет эпохой пространства. Мы живем в эпоху одновременности, в эпоху наложения, эпоху близкого и далекого, эпоху, когда многое существует бок о бок, эпоху рассеяния. Настоящий момент, мне кажется, таков, что наш опыт мира – не столько опыт длительной жизни, развертывающейся во времени, сколько опыт сети, увязывающей пункты и пересекающейся со своими собственными сплетениями»¹⁹. Фуко радикально проблематизировал предшествующие формы мысли, оспорив приоритет, отдаваемый философами времени: «Со времён Канта то, что надлежит мыслить философу, – это время. Гегель, Бергсон, Хайдеггер... Одновременно обесценивается пространство, которое оказывается на стороне рассудка, – всего, что есть аналитического, концептуального, мёртвого, застывшего, инертного».²⁰ Почти дословно этот ход мысли повторен в его «Мыслях о географии»: «С Бергсона или раньше это началось? Пространство трактовали как мертвое, постоянное, недialeктичное, неподвижное. Напротив, время было богатством, избытком, диалектикой».²¹

Задержка с публикацией лекции Фуко (по убеждению Дэвида Харви, неслучайная) придает темпоральное измерение рассуждению о том, кто стоял у истоков «поворота к пространству», которое становится еще серьезнее, когда осознаешь, что весьма схожим образом мыслившие пространство, Фуко и Лефевр в «симметричной», т.е. предполагающей хорошее знакомство с идеями друг друга, дискуссии не состояли, хотя, излагая план «Производства пространства», Лефевр вступает в полемику с Фуко. Его соображения стоит здесь привести еще и потому, что неомарксистский классик в 1974 году (год выхода книги по-французски) весьма скептически отзывался по поводу «такого и сякого» пространства, т.е. разговоров по поводу идеологического, литературного, сновидческого пространства и т.д. Иными словами, то, что нам сегодня кажется одним из самых интересных *последствий* поворота, а именно, возможность обсуждать с помощью пространственных терминов Интернет и субъективность, тело и поэзию, историю и экономику, познание и технику, Лефевр – зачинатель поворота – оценивает скептически, позиционируя себя как сторонник концептуальной строгости в использовании понятия пространства. В этом тексте у меня нет возможности подробно показать, зачем понадобилось Лефевру это упорное концептуальное дисциплинирование совре-

¹⁸ Бикбов, А. Пространственная схема аналитики Фуко: социальное объяснение как инструмент разрыва с горизонтом обыденной очевидности// Мишель Фуко и Россия/А. Бикбов. – М.: Летний Сад; СПб: Европейский университет. – 2002. – С. 117.

¹⁹Foucault, M. Of Other Spaces/ Visual Culture Reader, ed. Nicholas Mirzoeff/ M. Foucault. – L., Routledge. – 1998. – P. 237. Эта работа переведена на русский с французского, но не без неточностей (по крайней мере, если сравнивать с переводом на английский: так, в цитируемом фрагменте в существующем русском переводе слово «история» вообще исчезло). См.: Фуко, М. Другие пространства. Гетеротопии / М. Фуко; пер. с франц. А. Муратова, ред. С. Ситар. – Проект International. – 2007. – № 19. – С. 170-179.

²⁰ Фуко, М. Око власти/Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; пер. с франц. – М.: Практика, 2002. – С. 224.

²¹Foucault, M. Questions of Geography/ Power Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977/ M. Foucault; edited by Colin Gordon. – New York: Pantheon Books. – 1980. – P. 63-77.

менников, но всякий, одолевший его книгу, согласится со мной, что строгость в работе с понятиями – отнюдь не самая сильная сторона мыслителя. Лефевр возмущается тем, что «Мы вечно слышим о пространстве того и/или пространстве этого: о литературном пространстве, идеологических пространствах, пространстве сна, психоаналитических топологиях и так далее и так далее. Предположительно фундаментальные эпистемологические штудии отмечены явным отсутствием не только идеи «человека», но и идеи пространства, невзирая на то, что пространство упомянуто на каждой странице. Поэтому Мишель Фуко может спокойно утверждать, что «знание — это пространство, в котором субъект может занять позицию и говорить об объектах, с которыми он имеет дело в своем дискурсе»²². Фуко никогда не объясняет, что это за пространство, о котором он говорит или как оно преодолевает разрыв между теоретической (эпистемологической) областью и практической, между ментальной и социальной, между пространством философов и пространством людей, имеющих дело с материальными вещами. Научная позиция, понятая как приложение «эпистемологического» мышления к приобретенному знанию, мыслится как «структурно» связанная с пространственной сферой. Эта связь, с точки зрения научного дискурса, считаемая самоочевидной, никогда не концептуализируется»²³. Заметим невероятную избирательность прочтения Лефевром книги Фуко, в которой тот, по-моему, очень интересно демонстрирует возможности таких пространственных понятий как «место», «позиция», «траектория» и т.д. и не раз заводит разговор о «социальном» пространстве – вотчине тех, кто, как Лефевр, размещают себя не в «пространстве философов», но в «пространстве людей, имеющих дело с материальными вещами». Фуко в цитируемой Лефевром книге («Археологии знания») говорит и об «общественном здоровье в конкретном социальном пространстве»²⁴ и об «анонимных исторических правилах, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания»²⁵. Вероятное объяснение столь тенденциозного прочтения одним классиком другого можно почерпнуть несколькими страницами ниже, где Лефевр чеканит: «Правящий класс всеми доступными средствами стремится сохранить гегемонию, одно из них – знание. Тем самым проявляется связь между властью и знанием... указывая на антагонизм между обслуживающим власть знанием и формой познания, отказывающейся признать власть» и подчеркивает, что этот антагонизм Фуко в своем тексте обходит стороной.²⁶

Это очень и очень важный для наших целей момент, связывающий проблему интеллектуального первенства в формулировании оснований «поворота» с проблемой позиции интеллектуала перед лицом «глобального» капитализма. Когда я думаю, какую эволюцию проделали за 35 лет, что прошли с написания текста Лефевра, «формы познания, отказывающиеся признать власть», то есть о трансформации левого движения, о судьбе продуктивной социальной и политической критики и инстанциях, которые ее существование могли бы поддерживать, то, признавая безусловный вклад неомарксизма в точное описание социально-экономического производства пространства, констатирую крайнюю противоречивость современного дискурса о критике и сопротивлении. Академически это проявляется в том, что марксизм активно используется в целях, опять, концептуального дисциплинирования, и на ряде конференций (вроде конференции по критической географии, что собирается этим летом во Франкфурте²⁷) ты можешь стать объектом атаки коллег за то, что недостаточно страстно об-

²²Фуко, М. Археология знания/ М. Фуко. – Киев: Ника-Центр. – 1996. – С. 180.

²³Lefebvre, H. The Production of Space / H. Lefebvre. – Blackwell. – 1991. – P. 3-4.

²⁴Фуко, М. Указ. соч. С. 53.

²⁵Там же. С. 117.

²⁶Lefebvre, H. The Production of Space/ H. Lefebvre. – Blackwell. – 1991. – P. 10-11.

²⁷VI International Conference of Critical Geography. General theme: “Crises – Causes, Dimensions, Reactions”. Frankfurt am Main, Germany, 16-20 August 2011 [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geo.uni-frankfurt.de/ifh/Personen/belina/iccg2011/ENG/index.html>, свободный.

личала противоречия позднего капитализма, а твоя солидарность с угнетенными была выражена вяловато. В российском социологическом сообществе есть свои варианты такого дисциплинирования: «Что-то мало я услышала здесь о социальном неравенстве», – может сказать после твоего доклада коллега, сформулировав «неотбиваемый» критический довод. С другой стороны, вспоминая атаку участников нашего проекта на одного из лекторов – Джона Шорта, который с чрезмерным энтузиазмом воспроизводил самую вульгарную версию дискурса глобализации (дескать, как здорово, что по своей кредитке в любой части света ты можешь извлечь деньги из банкомата и не это ли является замечательным свидетельством того, что глобализация создает пространство потоков, финансовых, прежде всего), думаешь, что критическая позиция мыслящей части преподавательского сообщества – это поистине драгоценное наше общее достояние. Только вот как ее транслировать?

Преподавая на философском факультете и обсуждая со студентами и проблемы назначения человека и изоциренность, с какой поддерживается социальный порядок, я иногда обнаруживаю, что школьное образование надежно приобщило их к прогрессистскому нарративу. Они верят и в то, что наука со временем сможет решить все человеческие проблемы, и в то, что человеческий удел будет постепенно улучшаться, и в то, что свобода и равенство все больше распространятся. Оглядываясь назад, они вроде бы обоснованно заключают, что социальные различия будут если не сняты, то, так сказать, «оптимизированы». Памятуя о том, что задачу философского просвещения классики моей профессии связывали, скорее, с лишением людей их иллюзий, чем с их поддержанием, я спрашиваю себя: стоит ли обращать внимание студентов на то, что задачи радикальных социальных реформ сегодня ни одна политическая сила не ставит, и что глобальный капитализм представляет сегодня, по сути, единственную «тотальность», как говорят философы, то есть единственную объяснительную рамку, единственный контекст для наших размышлений.

В контексте единственности капитализма как объяснительной рамки можно точнее понять обескураживающие рассуждения харизматичного американского политического философа Уэнди Браун о двух революционных мечтах, умерших в последние двадцать лет, а именно социалистической и феминистской (и сексуальной)²⁸. Экономическая неэффективность государственного социализма в рамках глобального капитализма, а также отсутствие освободительного потенциала в социалистическом по характеру труде, приведшие к краху социалистических режимов, поставили в сложное положение Новую Левую, пишет она. Вроде бы попытались Хардт и Негри представить что-то вроде мирового социализма, возможно за счет самоуправляющихся независимых поселений, но кого это вдохновило? Проблема в том, как пишет Браун, что «почти невозможно представить освободительный, экологический и экономически вместиельный социализм, который вытекал бы из текущего развития того, что Маркс называл «производительными силами», то есть который был бы сопоставим с современной политической, экономической или социальной организацией пространства и населения и не подверженный коррупции известными нам сегодня многими и опасными способами осуществления власти»²⁹.

Браун, по-моему, очень хорошо формулирует урок, который мы все извлекли по мере того, как в наших странах упрочивался капитализм, что «мужчин и женщин можно сделать взаимозаменяемыми винтиками в современной и будущей капиталистической машинерии, где редко нужна физическая сила, где мало значит продолжительность работы на одном месте, где работа, связанная с воспроизводством, почти полностью коммодифицирована, а само воспроизводство почти отделимо от тел и в любом случае отделимо от сексуального разделения труда»³⁰. Похоже, связь капитализма и подчинения (гендерного, классового, этническо-

²⁸Brown, W. Women Studies Unbound: Revolution, Mourning, Politics/ W. Brown. – Parallax. – 2003. – Vol. 9. – № 2. – P. 3-16.

²⁹Ibid. P. 8.

³⁰Ibid. P. 9.

го) более сложна и неоднозначна: он эксплуатирует различия, коммодифицирует и реифицирует сексуальные различия, но обладает также и мощной гомогенизирующей силой. Проблема заключается в другом, и позвольте мне здесь снова процитировать Браун: «может ли при капиталистическом социальном порядке поддерживаться и принять форму живой и организованный оппозиции... именно радикальная критика систематических проявлений несправедливости и страдания и радикальное видение альтернатив»?³¹

Возвращаясь к дискуссиям со студентами, амбивалентность моих раздумий по поводу которых я пытаюсь здесь передать, можно сказать в этой связи, что они часто равнодушны и к радикализму и критике, потому что в их сознании нарратив прогресса и капитализм накрепко соединены и потому что они уверены в том, что, как и раньше, капитализм будет демонстрировать свою способность к самореформированию. Зачем же тогда суетиться и тратить время на непродуктивную критику? Но проблема в том, что капитализм довольно жестко конструирует социальное воображение, и в публичной сфере циркулируют только те мечты и упования, которые согласуются с его сутью и сохранением статус-кво. Внятные альтернативы нынешнему социальному порядку очень трудно и формулировать и пропагандировать.

Что представляет собой теория, из которой вычли убеждение в том, что условия подчинения могут быть не только определены и описаны, но и трансформированы? Так, Браун задается вопросом: если феминисты продолжают только описывать виктимизацию женщин и социальную конструкцию этой виктимизации, то в чем конечная цель этой работы? Иными словами, чего оно все стоит, если продолжать умножать насыщенные описания угнетения? Браун пишет: почему мы всегда описываем, что власть делает с нами, почему наши предложения всегда включают лишь, так сказать, приручение власти, добывание защиты посредством законов и регулирования? Чего все это стоит, если мы не можем себе представить мир, в котором сами управляем и в котором мы свободны от того вектора идентичности, с которым сопряжено столько наших ран? Кстати сказать, чем мы образованнее и квалифицированнее, тем точнее мы представляем, почему это невозможно. Не получается ли, что благодаря Мишелю Фуко с его учением о замкнутых эпистемах и микрофизике власти мы поняли не только, что не надо кивать на власть «вверху», потому что она вездесуща и пронизывает все закоулки наших отношений, но что мы никогда не в состоянии точно понять принципы ее работы? И даже марксизм, с его проблематикой ложного сознания, обрисовал те нешуточные усилия, которые нужно предпринять коллективному субъекту, чтобы понять подлинные условия своего существования и механизмы их изменения. Чем больше мы знаем про силу социального конструирования, тем более безвыходным нам кажется наше общее положение.

Это, однако, рассуждения, сформулированные в конце первого десятилетия двадцать первого века. Когда Лефевр восставал против «контейнерного» представления о пространстве, когда он призывал продумывать альтернативные принципы организации пространства, он настаивал на том, что новое знание о пространстве должно одновременно учитывать прошлое и смотреть в будущее, а точнее, помочь понять, как именно общества порождают пространство и какие именно факторы стоит учесть в будущем, размышляя о «проекте... другого пространства и другого времени в другом (возможном или невозможном) обществе»³². «Другого пространства?» – но постойте, не о других ли пространствах и толковал его более знаменитый современник в своем долго ожидавшем публикации тексте 1967 года: «Пространство, в котором мы живем, которое выводит нас из себя, в котором происходит эрозия наших жизни, времени и истории, которое царапает и грызет нас, есть также, в себе, гетерогенное пространство. Другими словами, мы не живем в пустоте, внутри которой можно помещать людей и предметы. Мы не живем в пустоте, которую можно подсветить разными оттенками света, мы живем внутри набора отношений, очерчивающих несводимые друг к

³¹Ibidem.

³²Lefebvre, H. *The Production of Space...* P. 91.

другу и не взаимозаменяемые места»³³. Не насущнее ли сегодня эти строки по сравнению с идеями Лефевра, который, увязав другое пространство с другим временем, утопически уводит разговор в неведомое будущее?

Говоря о Фуко, столь радикальное противопоставление времени и истории пространству, что мы находим в процитированных выше строках, было частью более масштабного проекта мыслителя, а именно археологии знания, частью которого было формулирование особенностей дискретных дискурсивных формаций, создающих субъектов и объектов знания и условием реализации которого Фуко считал необходимость «избавиться от целой массы понятий, каждое из которых диверсифицирует тему непрерывности».³⁴ Археология – критический проект, при этом критике подвергается и социальный порядок и мастер-нарративы, укладывающие историю в телеологические схемы, а индивидуальные стили и предпочтения говорящих изображаются как заведомо вторичные по отношению к системам фундаментальных правил той или другой дискурсивной формации. Рассеяние, что Фуко упоминает – это прежде всего рассеяние дискурсивных формаций, формирующихся дискретно и в своей отдельности друг от друга: «конкретный дискурс может в один момент фигурировать как программа или институт, а в другой может функционировать как средство оправдания или маскировки практики, которая сама по себе остается безмолвной или как вторичная интерпретация этой практики, открывая для нее новое поле рациональности»³⁵.

Исторический момент формирования определенного пространства – вот, что интересовало Фуко: дома призрения, тюрьмы и приюты, множась в пространстве города, использование архитектуры для производства дисциплинарного пространства в целях нормализации индивидов и, более общим образом — открытие того, как можно дисциплинировать, нормализовать, упорядочить жизнь посредством заточения ее в городском пространстве. Жизнь и болезни – их отношения разворачивались, начиная со Средних веков, в городских стенах: социальный порядок укреплялся через понимание власти предрержащими, что можно сделать перед лицом эпидемии. Проказа – сифилис – сумасшествие – такую смысловую цепочку выстраивает Фуко в «Истории безумия», начав ее выразительным описанием «больших проплешин» на окраинах городов – пустующих после победы над проказой лепрозориев, которым впоследствии нашлось применение: в них поселились «повредившиеся в уме». Таким образом, исторический момент формирования определенного пространства неотделим от исключения кого-то из этого пространства и исчезновения из него чего-то навсегда.

Благодаря Фуко ощущения узника в пространстве камере, став эмблемой модерновости, вошли в общий европейский интеллектуальный багаж. Хрестоматийный сегодня анализ им Паноптикума Бентама – часть проекта генеалогии, ибо соединение архитектуры и социальной теории, реализуемое через тщательную работу мыслителя с планами и схемами, увязывает воедино пути мысли и механизмы контроля. Фуко не очень интересно то, как пространство можно *читать* (их, кстати, объединяет с Лефевром сильный скепсис по отношению к семиотике): куда важнее, что *чувствует* обладатель тела, включенного в машину власти, тела исследующей, переустраивающей, распределяющей их в пространстве, в свою очередь, иерархически сегментируемом. Вот почему «Стоило бы написать целую историю различных пространств (которая в то же время была бы историей различных видов власти), начиная с больших геополитических стратегий и заканчивая мельчайшими тактиками по условиям расселения, историю архитектуры учреждений, классной комнаты или больницы, проходя через способы хозяйственно-политической дифференциации»³⁶. Этот проект Фуко про-

³³Foucault, M. Of Other Spaces... P. 239.

³⁴Фуко, М. Археология знания... С. 11.

³⁵Foucault, M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977/ M. Foucault; ed. Colin Gordon. – Brighton: Harvester. – 1980. – P. 194-5.

³⁶Фуко, М. Око власти... С. 223

тивопоставляет многочисленным вариантам пространственного/географического редукционизма, согласно которым пространство мыслилось как данность либо как уже упомянутый «контейнер»: «место пребывания или распространения какого-либо народа, культуры, языка или государства»³⁷. Фуко призывает перестать «уверять друг друга, что пространство предопределяет историю». Понять историю как пространство изменяющую и в нем откладывающуюся – вот, что необходимо. В интервью «Пространство, знание и власть» он, рассуждая о том, как можно «мыслить пространство» делает ставку на инженеров: именно им, а не архитекторам, удастся сопрягать «три великих переменные – территорию, коммуникацию и скорость»³⁸.

Сдвиг интересов Фуко от дисциплинарного пространства к пространству, создаваемому либерализмом и неолиберализмом и базирующемуся на безопасности, населении и территории (его работы по «правительности») делает его автором, крайне релевантным для дебатов по поводу неолиберальной глобализации. Кстати, иерархическая сегментация пространства, описанная Фуко как центральный принцип дисциплинарного общества, воспроизводится глобально – в нарастающем использовании «тюремным» государством практик исключения определенных категорий граждан из сферы юрисдикции и сводящих их к «нагой жизни» с помощью риторики «чрезвычайного положения», «исключительной ситуации», «особой опасности». Нео-биополитическая или пост-политическая природа современной власти, которая не знает, что делать, с миллионами «лишних» людей, которые биологически существуют, но их жизнь не имеет экономического или политического значения, с использованием идей Фуко может быть описана точнее. Его тексты ближе самоощущению образованного субъекта, нежели те, в которых лишь утверждается, что пространство социально производится. Эта увлеченность идеями социальной сконструированности пространства была объяснима в 1970-1990-е, когда на языке оригинала и появились ключевые для поворота к пространству тексты. Сегодня, когда власть основывает свою деятельность на «постфордистском постсоциальном контракте» (выражение Гуса Венна), когда трудно понять, что же это за общество, которое конструирует пространство – хоть в России хоть в Америке, когда невозможно указать на субъекта ответственности ни в одном правительстве, но, напротив, происходит агрессивная индивидуализация ответственности, то есть адресация ответственности за себя тем, над кем правят, когда государство позиционирует себя как внешнее по отношению к определенным категориям людей, не уставая «геополитизировать» безопасность, население и территорию, воспроизводя различия друг/враг, Фуко, так сказать, выдерживает прочтение, а у Лефевра более насущным кажется анализ «консолидации государства в мировом масштабе»³⁹. Но там, где Лефевр спешит увидеть *оппозицию* планам, техникам и программам государства, его последователь Дэвид Харви подчеркивает, что за три века государство слишком надежно утвердило себя в качестве главного субъекта производства географического знания: «Государственный аппарат с его интересами в правительности, администрации, налоговой сфере, планировании и социальном контроле, последовательно, с восемнадцатого века, создавался как основное место сбора и анализа географической информации. Процесс формирования государства был и остается зависим от складывания определенных типов географического понимания... На протяжении последних двух веков государство остается местом производства географических знаний, необходимых для создания, поддержки и усиления его власти... Государство посредством механизмов планирования учреждает нормативные программы для производства пространства, определение территориальности, географического распределения населения, экономической деятельности, социальной политики, богатства и благополучия»⁴⁰. Когда же Лефевр убежденно твердит, что «навязываемая государ-

³⁷Там же.

³⁸Rabinow, P. The Foucault Reader/ P. Rabinow. – New York: Pantheon. – 1984. – P. 244

³⁹Lefebvre, H. The Production of Space... P. 23.

ством нормальность делает неизбежной постоянную трансгрессию»⁴¹, ты жалеешь, что не можешь ему показать тысячи индивидов, которые в ходе социализации благополучно минуют «романтическую» фазу бунтарства и утопических иллюзий, с малолетства отождествившись с ценностями материального успеха.

На тотальность капитализма упорно обращает внимание Фредерик Джеймисон, который, кстати, вторит Фуко, противопоставляя историзм модерности и пространственность постмодерности: «Несомненный поворот к пространству часто, казалось, давал возможность отличить постмодернизм от подлинного модернизма. Опыт темпоральности, присущий последнему – экзистенциальное время, а также глубокая память – привычно считается доминантой высокого модернизма»⁴². «Пространственная форма» лучших образцов высокого модернизма обладает, по Джеймисону, сходством с дворцами памяти, описанными Фрэнсис Йейтс, т.е. античными формами организации памяти, которые базировались на уподоблении последовательности рассказа оратора упорядоченным местам какого-то здания. Временная упорядоченность, воцарившаяся в интеллектуальной жизни Европы на тысячелетия, противопоставляется Джеймисоном «прерывному пространственному опыту и смешениям постмодерна». В этих рассуждениях сегодня важно, что теоретик проводит различие между «двумя формами взаимосвязи между временем и пространством»: хотя «постмодернистский идеал героического шизофреника» (который можно почерпнуть в трудах Делеза) и нацелен на невозможное, а именно попытку вообразить чистый опыт «чисто» пространственного настоящего, находящегося вне «прошлой истории и будущей судьбы», идеальный опыт шизофреника – это все-таки опыт временной, что-то близкое вечному настоящему Ницше. В тоже время в опыте большинства людей, отмеченном постмодернизмом, темпоральности места нет, о ней, скорее, лишь пишут, чем ее переживают. Другое дело, что и опыт, и его выражение, скорее, – компоненты века модернистского, а «в постмодерный век им нет места», так что остается неясным, что именно должно подвергнуться опространствливанию – категории мышления? Неясно и то, кто же носитель «воли использовать или поставить время на службе пространства»? Не прояснен и статус опыта в постмодернизме: в воспроизведенном пассаже Джеймисон, с одной стороны, выделяет специфический, только постмодерну присущий опыт, главная характеристика которого – прерывность, а с другой стороны, повторяю, допускает, что опыту в постмодерне вообще нет места.

Немного о студенческой аудитории

Какому-то опыту в постмодерне все же, похоже, место находится. Учителя лучшей екатеринбургской гимназии с ужасом рассказали о недавней (статья была закончена в марте 2011 года) проверке работ ЕГЭ по русской словесности в городе и области. Задание построить рассуждение о кризисе гуманизма было, в одной из работ, проиллюстрировано наблюдениями о состоянии ипотеки в регионе (что-то важное здесь, по-моему, схвачено). Предложение проанализировать хрестоматийное решение покидающей Москву семьи Ростовых отдать подводы раненым превратилось в другой работе в «эвакуацию раненых на подводной лодке в романе Достоевского «Война и мир». Такие рассказы рождают понятные опасения: идеи, значимые для вузовских педагогов, и потребности и ценности их завтрашних подопечных неумолимо расходятся. В то же время те, кто заканчивают университеты сегодня, неохотно их покидают: им кажется, что, если они останутся в сфере высшего образования, это их застрахует от жлобства и крайностей «гибкого» трудоустройства. В любом слу-

⁴⁰Harvey, D. Spaces of Capital: Towards a Critical Geography/ D. Harvey. – Edinburgh: Edinburgh University Press. – 2001. – P. 208-233.

⁴¹Lefebvre, H. Ibid.

⁴²Jameson, F. Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism/ F. Jameson. – Durham, NC: Duke University Press. – 1991.

чае не совсем ясно, кому мы будем адресовать наши сложные и не очень речи о пространстве через несколько лет. Но, в духе «перформативного поворота», можно сказать, что, только пытаясь что-то изменить, приобретешь основания для алармистских, скептических (ими я уже поделилась) или оптимистических суждений о нашем безнадежном деле.

Участие в проекте дает нам всем шанс, если злоупотребить известной метафорикой, проложить тропы через дисциплины и области литературы, до нас разъединенные, чтобы найти новые ресурсы, стимулы, причины для собственного и студенческого интереса к пространственной проблематике. Теоретически влияние пост-колониализма на социальную теории привело к увеличению внимания к тому, как знание производится в не-западном контексте, так что отдельную и перспективную тему разговоров со студентами может составить специфика производства научного и иных видов знания в Восточной Европе и России. Практически это выражается в том, что востребованы приложения западной теории к соответствующему материалу. Призывать ли к созданию «собственной» теории или аккуратно анализировать пределы таких приложений – выбор всегда остается за преподавателем, но чешский антрополог Якуб Григар в своей лекции на нашей февральской Школе подал, по-моему, вдохновляющий пример работы с конкретной (модной, что немаловажно) акторно-сетевой теорией для этнографического анализа мелкой контрабанды сигарет и межграницной миграции на польско-белорусской границе. Обсуждение его лекции, с моей точки зрения, было одной из самых продуктивных точек нашей работы, потому что мы говорили о конкретной теории, о том, что она может (бросить такой свежий взгляд на происходящее на границе, что пачка сигарет и прячущая их на своем теле пожилая «контрабандистка» будут «уравнены в правах») и чего она не может (инкорпорировать в исследование биографии информантом и как раз провести различие между живым женским телом и неодушевленным куревом (замечание Стива Пайла). Такой разговор вполне можно построить в студенческой аудитории, опираясь на юношеское стремление разоблачать и обнажать слабости чего угодно.

Когда мы с Альмирой Усмановой сами были участницами одного из летних университетов, мне запомнились слова нашего главного лектора, историка и теоретика искусства из Университета Огайо Стивена Мелвилла (он был «главным» потому что с нами, участниками, разлучался только на несколько часов сна): «Мы можем дать нашим студентам прошлое, которого у них без нас не будет». Что может входить в это прошлое?

Туда, во-первых, должны войти интересные разговоры о *сложном*, независимо от того, в какой области знания эта сложность продуцируется. Больше того, если нам повезет с молодыми коллегами, мы на сложность можем их даже *подсадить*, снабдив их своеобразным иммунитетом против слишком лобовых аргументов, примитивных схем и риторических клише. Разбирая последние российские фильмы, один из проницательных наших комментаторов Булат Назмутдинов ставит такой диагноз: «Это скольжение по поверхности, косность сознания, его заштампованность – одни из самых страшных симптомов российского общества. Они, помноженные на неуважение к личному миру другого, отсутствие должной дистанции, неделikatность, являют собой нечто ужасное. Черно-белое общество опасно, прежде всего, своей склонностью к мгновенному делению всего и вся на «правильное» и «неверное». Причем если на уровне принципов и идей такая поляризация необходима, то в обыденных отношениях между людьми поспешное деление всех на своих и чужих, добрых и прочих не менее опасно, чем релятивизм».⁴³ Вспоминается также замечание теоретика словесности американиста Татьяны Венедиктовой на недавней конференции российских американистов и американских славистов о том, что пренебрежение гуманитарным компонентом высшего образования в ходе его неолиберального реформирования чревато тем, что люди перестанут считать иронию, многослойность адресуемых им посланий, начнут воспринимать говоримое «в

⁴³Назмутдинов, Б. Неудобные вопросы русского кино [Эл. ресурс]/Б. Назмутдинов. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Neudobnye-voprosy-russkogo-kino>, свободный.

лоб», примером чего явилась реакция на карикатуры пророка Мухаммеда. Когда, в рамках проектов ХЕСП, мы обсуждаем, как наилучшим образом транслировать передовое знание студентам, большинство которых учеными становиться не собираются, очень важно избегать проявлений индокринации: самая лучшая теория, толкуй она о толерантности или реляционности, будет бесполезной, если она будет преподана слишком лобово и безапелляционно, без сопоставления с тем, что студенты уже знают (или хотят знать). Так, снова подчеркну, что ставить под вопрос «контейнерное» мышление в условиях, когда обращенный в прошлое национализм составляет единственный ресурс легитимности власти, нужно очень изобретательно, отдавая себе отчет в том, что твои речи и тексты, которые ты на этот счет предложишь, могут показаться студентам прекраснотушными и не относящимися к делу.

Во-вторых, в это прошлое есть смысл попытаться включить аффективные и эмоциональные компоненты, «моменты интенсивности», как их называет Ханс Ульрих Гумбрехт⁴⁴, подчеркивая, что хотя они не воспитывают, они важны, так как «в такие моменты мы... ощущаем просто-напросто высшую степень мобилизации наших обычных познавательных, эмоциональных, может быть даже физических способностей». «Пространство субъекта», «субъективное переживание пространства», «пространственное воображение» – темы, давно и активно у нас разрабатываемые⁴⁵, правда, к сожалению, вне диалога с западной традицией культурной географии. К примеру, следуя идеям И-Фу Туана, О. Лавренова и И. Митин говорят о «топофилии», о тех или других вариантах привязанности к месту, но в приводимой ими литературе нет ни одного текста о современной России⁴⁶. Между тем обсуждение того, какие места мы любим (кроме собственных любовно обихаживаемых квартир), а какие места, пространства, города и страны не любим, проходит всегда весьма занимательно и плодотворно: тему мизантропии, присущей городскому обитателю, обоснованно начал разрабатывать еще Георг Зиммель. Иными словами, дискуссии о пространстве, скорее всего, породят целый спектр эмоций: от пробудившихся вдруг сильных неприязни и зависти до, возможно, восторга. Другое дело, что это будет за восторг. На организованном мною обсуждении фильма Элен Шатлен, посвященного ГУЛАГу, несколько лет назад одна из студенток сказала об узниках следующее: «Конечно, эти люди мучились, но зато с их помощью мы покорили новые пространства!» Пути, какими националистическая пропаганда проникает в сердца умных людей, могут быть самыми различными, и еще раз подчеркну, что, «безродный космополитизм» иного преподавателя рискует столкнуться с совершенно иными, искренними, выношенными, но от этого не менее для него проблематичными, чувствами студентов. Современные варианты переживания возвышенного, переполненность огромностью мира, тем, как сложно и непредсказуемо в нем сосуществуют живое и неживое, проблематизация стремительно набирающего популярность отношения к жизни по принципу *feeling good as part of being creative* – возможны и такие измерения разговоров по поводу пространства. Сложности современного устройства жизни – финансовые рынки, сети информации, границы, менеджмент частной жизни – так или иначе воплощаются в культурных репрезентациях, с той оговоркой что те, стремясь схватить текучесть, скорость и эфемерность происходящего, – хотя и все менее буквальны, но все же могут лечь в основу сюжетов, карт и фильмов.

⁴⁴Гумбрехт, Х. У. Производство присутствия: чего не может передать значение/ Х. У. Гумбрехт. – М., НЛЮ. – 2006. – С. 100.

⁴⁵См., прежде всего, многочисленные работы Д.Н. Замятина.

⁴⁶Лавренова О.А., Митин И.И. Топофилия (Материалы к словарю гуманитарной географии) //Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах/ О.А. Лавренова, И.И. Митин. – Вып. 4. – М., Институт культурного наследия. – 2007. – С. 339-342.

Заключение

Как избежать укрепления того, что ты думаешь, что свергаешь – этот вопрос не случайно преследовал Мориса Бланшо, Мишеля Фуко и других мыслителей, в которых критичность сочеталась с трезвостью. Думая о том, как менять преподавание пространственной проблематики в претерпевающих реформу университетах, как включать в учебные планы лекции и курсы, посвященные идеям и фигурам, не желающим смириться с кажущейся бесперспективностью критики, нужно помнить, что количество тех «других» пространств и мест, где люди могли бы осознать свои общие с другими политические интересы, стремительно сокращается. Между тем специфика той проблематики, что ассоциируется в «повороте к пространству», – в ее тесной связи как с политиками дисциплинарного знания, так и с возможностями политики в пост-политическом мире. Нарастающая зарегулированность университетской жизни, исчезновение из учебных планов хороших курсов, протекающие под разговоры об инновациях и открытости, конечно, осложняют организацию содержательного разговора о пространстве на новый лад. Уроки, которые вместе со студентами мы могли бы извлечь, перечитывая тексты инициаторов «поворота», могли бы состоять в проблематизации господствующих социальных стереотипов, в том числе и критических, и в установлении связи между дорогими студентам «анекдотами», случаями, компонентами их фонового знания и теми фантастическими взлетами, на которые оказалась способна современная пространственная мысль.